

Валяев Ярослав Владимирович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 - ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)

В данной статье анализируется трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны, проявившаяся в складывании качественно иных представлений о роли человека на войне, что было обусловлено разрушением традиционных понятий о характере и методах ведения боевых действий, происходившим под воздействием новых реалий мирового военного конфликта (его ярко выраженный машинный характер, расширение территориальных рамок, привлечение огромного человеческого ресурса).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 28-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).08

В данной статье анализируется трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны, проявившаяся в складывании качественно иных представлений о роли человека на войне, что было обусловлено разрушением традиционных понятий о характере и методах ведения боевых действий, происходившим под воздействием новых реалий мирового военного конфликта (его ярко выраженный машинный характер, расширение территориальных рамок, привлечение огромного человеческого ресурса).

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; российская армия; морально-психологический облик военнослужащих; армейская социальная стратификация; дезертирство.

Ярослав Владимирович Валяев

Кафедра российской и всеобщей истории

Белгородский государственный университет

rufahnen@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-31-00720м.

Современная отечественная историческая наука в последние годы переживает бум антропологически ориентированных исследований. Одним из относительно новых направлений в отечественной историографии является изучение исторической действительности через призму антропологического подхода, в том числе проблема «человек на войне» [10; 16]. В настоящей статье делается попытка проследить сдвиги в системе ценностных представлений российских военнослужащих, произошедшие под влиянием опыта, приобретенного ими на фронтах Первой мировой войны.

До мирового конфликта в массовом сознании война как способ разрешения противоречий воспринималась не как аномалия, а как элемент, органично присущий практике межгосударственных отношений [8, с. 213]. Представление о войне базировалось на характерном для общественной мысли того времени убеждении, что исход военной кампании мог быть решён в одном-двух генеральных сражениях, которые принесли бы окончательную победу одной из сторон [19, с. 307]. В сознании военнослужащего механизм развязывания войны государствами всегда отождествлялся со сценарием драки, при этом последствия применения современных военно-технических изобретений и развитие инженерной мысли никем не учитывались в полной мере.

Первая мировая являлась войной нового типа, требовавшей от солдата патриотизма, не связанного с угрозой уничтожения его личного хозяйства. Отличительными чертами войны стали её затяжной характер и массовое применение новых боевых механизмов. Огромное психологическое давление оказывали на солдат, особенно на новобранцев, артиллерийские обстрелы, сопровождавшиеся сильным гулом, треском, дрожанием земли. Хуже артиллерийского огня для солдат были только воздушные налёты. Солдаты связывали самолёты со злом по причине, во-первых, своей суеверности, а во-вторых, из-за непривычности ведения механического характера войны. Все эти факторы влияли на солдат, из-за чего дело могло доходить и до обстрела своих самолётов [3, с. 76; 15, д. 3856, л. 147 об., 182; 18, с. 28]. В результате командованию пришлось даже запретить стрелять по аэропланам, как своим, так и противника.

С другой стороны, любой военный конфликт давал большие возможности пожить за счёт противника и мирных жителей, однако в данном случае подобные действия были сильно ограничены высокой степенью администрирования и контроля над солдатом, а также самой картиной ужасов, проявившейся в современной войне. Письма солдат полны таких описаний: «Трупы лежали и слева и справа, лежали и наши и вражки. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Кое-где из земли торчали недостаточно глубоко зарытые ноги. Один австриец был, очевидно, похоронен заживо, но похоронен неглубоко. Придя в сознание, он стал отрывать себя, успел высвободить голову и руки и так и умер с торчащими из травы руками и головой» [17, с. 13-14]; «Как бы я хотел, хотя бы на несколько дней уйти из этой обстановки крови и человеческой животной разнузданности. Только здесь на границе жизни и смерти узнаёшь человека во всей его отвратительной наготе» [12, с. 182].

Современная война вызвала у солдата чувство отчуждённости и собственной ненужности в ней. «Никому нет дела ни до души, ни до тела», – делал один солдат мрачные заключения о своём призыве в армию. Особенно чувство обиды было характерно для солдат-пехотинцев, противостоящих другим родам войск – артиллеристам, разведчикам, авиаторам, у которых преобладали ощущения спокойствия и «полной уверенности в себе» [3, с. 77; 14, д. 215, л. 12]. Состояние такого умиротворения объясняется тем, что представители данных родов войск чувствовали свою особенную значимость, заключённую в исполнении специфических обязанностей и умений (например, наводка и стрельба из артиллерийского орудия, управление аэропланом и т.д.).

Однако подобная картина была характерна не для всей армии. Но даже в подобной ситуации солдат искал хоть какую-нибудь поддержку, которую находил, как правило, либо в своих сослуживцах, либо в командире. Вот как описывает подобный момент один из войсковых командиров: «Я ехал и чувствовал всем

своим существом, как между мною и моими солдатами зарождается какая-то новая связь. “А если случится трудное и тяжёлое, ты не выдашь, не сдашь?” – казалось, спрашивали они меня. И я отвечал им: “Не выдам”. И отвечая, я в темноте и спиной видел, и в абсолютном молчании слышал, как строго они воспринимают мой долг перед ними и повторяют: “Смотри же, – с тобою мы всё, а без тебя – ничего”. А о себе я знал такое же, что с ними я всё, а без них – ничего» [17, с. 23].

С началом боевых действий целые армии, дивизии, полки снимались с постоянных мест дислокации и перебрасывались на фронт, а вместе с ними на передовой оказывались и священнослужители, так называемые полковые священники, в обязанности которых входило поддержание духовного и религиозного состояния военнослужащих. В одном из писем так описываются те чувства, которые переживал полковой священник: «Во время наших переходов и сражений в моей душе живёт несмолкаемая молитва за ... моих духовных детей, которых тесно окружает опасность» [1, с. 163]. Многие из них проявили себя настоящими героями. Во время сражений полковые священники находились либо на перевязочных пунктах, где оказывали первую медицинскую помощь, либо пребывали на передовой, с которой выносили раненых солдат и офицеров. А в перерывах между боями они исполняли свои религиозные обязанности и вели церковную службу (причащение, крещение, молебны и т.д.), тем самым напоминая солдатам о нормах морали и правилах нравственного поведения.

В ходе Первой мировой войны произошли изменения армейской социальной стратификации, отражением которой являлось российское общество. Так, российская армия перед весной 1914 года состояла на 84-88% из крестьян, что соответствовало структуре населения России, 85% которого к 1913 году жило в деревне [3, с. 73; 11, с. 35, 40]. В годы войны и особенно после осени 1915 года, когда российская армия потеряла 3,4 млн человек из своего кадрового состава, на смену выбывшим из строя пришли люди, совершенно незнакомые с армейскими законами и порядками (или плохо их себе представляющие) [7, с. 33, 78-82]. Преобладание необученных солдат создало на фронте особую атмосферу: в вооружённые силы был принесён особый образ мышления и поведения, характерный для каждой из социальных страт в отдельности (крестьяне, рабочие, мещане и др.).

Особое внимание стоит уделить оценке устроения солдат-крестьян как самого многочисленного в армии элемента, необходимо учитывать характер крестьянского труда, который способствовал восприятию труда ратного как земледельческого. По этой причине солдаты крестьянского происхождения военную службу представляли как своеобразную податъ. Для таких военнослужащих главным атрибутом солдатского труда, сближавшим его с крестьянским, являлся сезонный характер. Особое внимание уделялось весне, времени сева, которое совпадало по опыту прошлых войн с началом военных кампаний. Солдаты были убеждены, что весной необходимо идти в наступление, поскольку оно является залогом успешного окончания войны осенью: «Весна даёт победу, а осень – мир, весной и умереть не жалко» [3, с. 74; 6, с. 135; 13, д. 1486, л. 187, 188.]. По солдатским представлениям, следовало с весны по осень воевать, а с осени и до весны отдыхать, поэтому для многих военные действия в зимний период оказались непривычным явлением, даже для солдат постоянного состава, что уж там говорить о новобранцах.

В ходе войны ощущалась катастрофическая нехватка личного состава, особенно офицеров. А. А. Брусиллов так описывал сложившуюся тогда обстановку: «Во время мобилизации и в начале кампании у нас был значительный излишек офицеров и унтер-офицеров, а потом их вовсе не стало, и мы, ведя боевые действия, принуждены были в тылу каждого полка иметь свою учебную команду. Наконец, прибывавшие на пополнение рядовые в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знали, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего. Приходилось, следовательно, обучать в тылу каждого полка своё пополнение и тогда только ставить в строй. Но часто во время горячих боёв при большой убыли обстановка вынуждала столь необходимые пополнения прямо ставить в бой. Понятно, что такие люди солдатами зваться не могли, упорство в бою не всегда оказывали и были не в достаточной мере дисциплинированы. Чем дальше, тем эти пополнения приходили в войска всё хуже и хуже подготовленными...» [5, с. 109-110]. Понятно, что новобранец чувствовал себя в подобной обстановке «пушечным мясом», задачей которого было выжить на поле сражения, естественно, что гражданские ценности здесь отходили на второй план. Ситуация усугублялась тем, что руководство плохо обученной солдатской массой осуществлял слабо подготовленный командный состав.

Многим молодым командирам, чтобы оправдать в глазах подчинённых свой юный (почти мальчишеский) возраст, отсутствие опыта, а нередко и не соответствующий должности чин, приходилось демонстрировать личную храбрость (например, идти в атаку не сгибаясь), первому идти в наиболее опасные места. Вот первые впечатления от войны молодого прапорщика, командующего ротой Петровского: «Шёл впереди, первый ворвался в окоп с револьвером в руке и с лопаточкой для самоокапывания в другой...» [9, с. 158].

Произошли изменения в отношениях между солдатом и офицером: «пожилые офицеры, прошедшие подготовку ещё в довоенное время, выбыли из строя – они либо погибли в боях, либо получили увечья и стали инвалидами. Пришедшие им на смену молодые офицеры, как правило, прежде были студентами или школьными учителями. Они отличались либеральными взглядами и гуманным отношением с солдатами, свободно общались с рядовыми и позволяли многое такое, чего раньше не допускалось. На празднике Нового года танцевали все вместе» [5, с. 186]. Произошла либерализация отношений между начальником и подчинённым, претерпели изменения социальные отношения, особенно между командиром-дворянином и солдатом-крестьянином, в сторону их упрощения и смягчения.

Окончательный удар по старым армейским порядкам был нанесён очередным ростом патриотических настроений в обществе. В Российской империи известие о начале войны вызвало большой подъём одобрительных чувств, который вылился в добровольческое движение. Многие мужчины (особенно юноши) записались в армию

вольноопределяющимися, а женщины пополнили ряды медсестёр и санитарок при госпиталях и лазаретах. Но были и такие, которые не желали мириться с традиционным делением обязанностей по половой принадлежности. Именно в данной войне некоторые женщины добились права служить в армии в качестве солдат-пехотинцев. Примером вышесказанного является Мария Бочкарёва, которая после обращения к царю (посредством телеграммы) получила данное разрешение. Для объективности стоит отметить, что ей пришлось бороться с социальным и половым неравенством в армии. Вот как она описывает первые дни своей службы: «Командир роты... показал мне моё место на общих нарах, приказав солдатам меня не досаждать. <...> Разумеется, солдатам было в диковинку такое явление, и они решили, что перед ними женщина свободного поведения, которая пробралась в солдатский строй, чтобы заниматься своим запретным ремеслом. Поэтому мне в первую ночь пришлось постоянно отбиваться от приставаний со всех сторон. <...> Я продолжала раздавать тумаки до тех пор, пока в пять часов утра не зазвонил колокол, возвещавший подъём»; «...однажды ночью я узнала в солдате, который ко мне лез, своего командира отделения и ответила ему такую увесистую оплеуху, какие я раздавала всем другим нахалам» [4, с. 122, 125]. Борьба за равные права между мужчинами и женщинами в армии шла давно, но в полной мере проявилась только в годы Первой мировой войны, приняв необратимый характер.

В многонациональной России война обострила ещё и национальную проблему. В стране издавна проживало большое число немцев. Многие из них занимали видное положение на государственной службе, в армии и флоте. В основном это были преданные России люди, но в то же время симпатизирующие исторической родине. До войны антинемецкие настроения приравнивались к революционным, что грозило ссылкой в Туруханский или Нарымский край. С началом войны неприязнь к немцам выплеснулась наружу. Санкт-Петербург срочно переименовали в Петроград. На Рождество 1914 года Синод запретил ёлки, как немецкий обычай. Из программ оркестров вычеркивали музыку Баха, Бетховена, Брамса. Происходили погромы фабрик, магазинов и домов, принадлежащих людям с немецкими фамилиями [2, с. 40]. На фронте во всех военных неудачах также стали обвинять командиров с немецкими корнями и фамилиями: «В окопах ходило очень много слухов о прогерманских настроениях высоких чинов в армии и при дворе. У нас тоже были свои подозрения, и они вдруг подтвердились, причём самым ужасным образом. <...> К нам, на передовую, с инспекционной поездкой пожаловал однажды генерал Вальтер. Все знали, что он германских кровей, и ненавидели его за зверское обращение с солдатами. Генерал вёл себя довольно странно у тех мест, где наша проволока была прорвана или где наши укрепления были слабыми, он всякий раз вытирал лицо носовым платком. <...> Через час после его отъезда германцы открыли огонь по тем местам, где останавливался генерал, разнося в пыль и щепки наши недостроенные оборонительные сооружения. <...> И если бы генерал Вальтер появился тогда среди солдат, они не дали бы ему возможности уйти живым: так велико было их возмущение [4, с. 151-153]. Подобные совпадения солдатам не нравились, ибо природа этих недовольств лежала в синтезе крестьянского менталитета и солдатской суверенности, подогретых военными неудачами.

Война нанесла сильный удар по нравственным качествам военнослужащих, поскольку обладание оружием вытеснило правовые нормы мирного времени, а ситуация выживания на фронте способствовала пересмотру нравственных стандартов, свойственных довоенному периоду. Прежде всего, у военнослужащих выработалась привычка к насилию, которая по инерции переносилась и на мирную жизнь. Один солдат так описывает сложившуюся на войне картину: «Над всем городом стоит вой оставшихся жителей. Происходит необходимая реквизиция керосина, сена, овса, скота. У уличного фонаря дерутся из-за керосина две русских женщины. Их, восстанавливая порядок, разгоняют казаки. У каждого под седлом бархатная подушка. У многих в поводу по второй, по третьей лошади. Лихая публика. Какие они вояки, шадят или не шадят они себя в бою, об этом мнения расходятся, но о том, что они профессиональные мародёры, и никого и ни за что не пощадят – об этом двух мнений быть не может. Впрочем, разница между казаками и солдатами заключается в том, что казаки с чистою совестью тащат всё: нужное и не нужное; а солдаты, испытывая всё же некоторые угрызения совести, берут лишь нужные им вещи. Очень строго к этому не могу относиться. Человек, который отдаёт свою жизнь, не может шадить благополучия галичанина и жизнь его тёлки и курицы. Человек, испытывающий над собою величайшее насилие, не может не стать насильником» [17, с. 20]. В начале войны из-за высокой степени администрирования в армии и ужасов войны уровень мародёрства был ниже, чем в предшествующих конфликтах, но расширение территориальных границ боевых действий свело все усилия военного руководства на нет.

Анализ взглядов российских фронтовиков на историческую сущность войны показывает, что она негативно отразилась на их патриотических убеждениях. Показателем начавшегося разрушения идеологической формулы «за Веру, Царя и Отечество» служат участившиеся случаи дезертирства российских военнослужащих (особенно на Северном и Западном фронтах). Каждую неделю в среднем по Петроградскому округу задерживалось в конце 1915 г. 211 дезертиров, в конце 1916 г. – 220 человек, а непосредственно перед Февральской революцией эта цифра выросла до 294 человек в неделю, а по Двинскому военному округу показатели были ещё более впечатляющими, так в конце 1915 г. количество задержанных в неделю составляло 462 человека, в конце 1916 г. – уже 1 479 дезертиров, а перед революцией эта цифра выросла до 1 543 задержанных [14, д. 215, л. 2-27]. Исходя из приведённых выше данных, можно предположить, что на динамику дезертирства огромное влияние оказали революционная пропаганда и подрывная деятельность противника, которые расшатывали основу российской армии.

Таким образом, морально-психологический облик российских военнослужащих претерпел в ходе войны значительные изменения. В условиях резкой девальвации ценности человеческой жизни у них выработался устойчивый стереотип поведения, в котором нормы мирного времени уступили место специфической военной психологии. В мировоззрении усилились иррациональные элементы, что объяснялось, прежде всего,

нестабильным психологическим состоянием военнослужащих, которое формировалось во многом под воздействием разрушения традиционных представлений о методах ведения боевых действий. Необходимость выживания на фронте в условиях «большой» войны оттеснила на второй план нормы мирного времени, связанные с образцами нравственного поведения.

Список литературы

1. **Акоева Н. Б.** Фронтальная повседневность казаков-кубанцев в годы Первой мировой войны // Научный вестник Белгородского государственного университета. 2009. № 9. С. 163-168.
2. **Алексеев А.** Россия в 1914-1915 годах: война на два фронта // Наука и жизнь. 2007. № 9. С. 38-45.
3. **Асташев А. Б.** Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-86.
4. **Бочкарёва М.** Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001. 445 с.
5. **Брусилов А. А.** Мои воспоминания. М., 1983. 256 с.
6. **Войтоловский Л. Н.** По следам войны: походные записки. Л., 1927. Т. 2. 230 с.
7. **Головин Н. Н.** Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. 236 с.
8. **Миронов В. В.** Военно-историческая антропология: ежегодник 2005/2006: актуальные проблемы изучения. М., 2006. 416 с.
9. **Подольский Н.** Три письма подпоручика Петровского // Звезда. 1995. № 6. С. 156-160.
10. **Поршнев О. С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в Первой мировой войне: 1914 – март 1918. Екатеринбург, 2000. 415 с.
11. **Протасов Л. Г.** Классовый состав русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. № 1. С. 34-41.
12. **Розанов В. В.** Война 1914 г. и русское возрождение. Петроград, 1915. 95 с.
13. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 2003. Оп. 1.
14. **Там же.** Ф. 2031. Оп. 1.
15. **Там же.** Ф. 2067. Оп. 1.
16. **Сенявская Е. С.** Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
17. **Степун Ф.** Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. 192 с.
18. **Федорченко С. З.** Народ на войне. М., 1990. 400 с.
19. **Цвейг С.** Статьи, эссе: вчерашний мир, воспоминания европейца. М., 1987. 448 с.

TRANSFORMATION OF VALUE IDEAS OF MILITARY MEN OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR (1914 – FEBRUARY 1917)

Yaroslav Vladimirovich Valyaev
Department of Russian and General History
Belgorod State University
rufahnen@rambler.ru

The author analyzes the transformation of value ideas of military men of the Russian army during the First World War manifested in the creation of the qualitatively new ideas about the role of a person during war that was caused by the destruction of the traditional concepts about the character and methods of carrying out the operations which occurred under the influence of the new realities of the world military conflict (its vividly expressed machine character, expansion of territorial limits, attraction of huge human resource).

Key words and phrases: First World War; Russian army; moral-psychological character of military men; army social stratification; desertion.

УДК 316.35/356.2

Проанализирована государственная политика, направленная на создание благоприятных условий для взаимовлияния культур жителей Дальнего Востока в экономической, духовной и политической сферах во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрена деятельность РПЦ по распространению христианства как средства сближения пришлого и аборигенного населения. Охарактеризованы особенности протекания процессов аккультурации в области быта и хозяйственной деятельности жителей Дальневосточного региона России.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; Российская империя; аккультурация; население; аборигены; культура; азиатские иммигранты.

Олег Алексеевич Васильченко, д.и.н., доцент
Кафедра «Социальная работа»
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
SFknagtu@mail.ru.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ[©]

Результатом переселений и иммиграции стало скопление на Дальнем Востоке Российской империи необыкновенно пестрого по этническому, религиозному и социальному составу населения. Здесь присутствовали